

Трижды на заре

Автор:

[Алессандро Барикко](#)

Трижды на заре

Алессандро Барикко

Азбука-бестселлер

Читателям, оценившим прекрасный роман Алессандро Барикко «Мистер Гвин», будет интересно прочесть его новую книгу, названную «Трижды на заре». Ночью именно книгу – Барикко или загадочного мистера Гвина? Без последнего уж точно не обошлось!

Три истории любви, увиденные и прожитые в тот миг, когда ночь сменяется днем, когда тьма умирает и небо озаряется первыми лучами солнца. Еще одна поэма Барикко, трогательная, берущая за душу. Маленький шедевр, который можно прочесть за вечер.

Алессандро Барикко

Трижды на заре

Tre volte all'alba by Alessandro Baricco

Copyright © 2012, Alessandro Baricco

All rights reserved

© А. Миролубова, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Примечание

В каком-то месте моего последнего романа «Мистер Гвин» имеется намек на небольшую книжицу, написанную неким англоиндусом по имени Акаш Нараян и озаглавленную «Трижды на заре». Речь, естественно, идет о воображаемой книге, но в воображаемых событиях, о которых рассказано в романе, она играет отнюдь не второстепенную роль.

На самом деле, пока я писал те страницы, мне захотелось сочинить и ту книжицу, отчасти чтобы сделать косвенный и отдаленный сиквел «Мистера Гвина», отчасти ради чистого удовольствия следовать за определенной мыслью, зародившейся у меня в голове. Итак, закончив «Мистера Гвина», я принялся писать «Трижды на заре» с величайшим наслаждением.

Сейчас «Трижды на заре» появилась в книжных магазинах, и, наверное, излишне объяснять, что ее может прочесть кто угодно, даже те, кто никогда не держал в руках «Мистера Гвина», поскольку речь идет о самостоятельной и законченной истории. Это не исключает, однако, того, что в первой ее части обнаруживается

все, что обещалось в «Мистере Гвине», а именно еще один взгляд на любопытную историю мистера Гвина и на его необычайный талант.

Январь 2012 года

Алессандро Барикко

Екатерине Медичи и мастеру из Кэмден-тауна

На этих страницах рассказана правдоподобная история, которая, однако, никогда не могла бы произойти в действительности. История двух персонажей, которые встречаются трижды, но каждый раз – единственный, и первый, и последний. У них это получается потому, что они обитают в аномальном Времени, которое напрасно было бы искать в нашем повседневном опыте. Оно, это Время, порой оснащает повествования, и в этом одно из их преимуществ.

Раз

Та гостиница отличалась неким слегка поблекшим шиком. Возможно, в прошлом она и оправдывала ожидания, поддерживая определенный уровень роскоши и изящества. Была в ней, например, прекрасная вращающаяся деревянная дверь: деталь, всегда пробуждающая игру воображения.

Через эту дверь и вошла дама в невероятный ночной час: она, с видом явно рассеянным, только что вылезла из такси. На ней было одно лишь желтое вечернее платье, очень открытое; даже легкий шарфик не прикрывал голые плечи, и от этого был у нее интригующий вид женщины, с которой что-то случилось. Двигалась она с присущим ей изяществом, однако же походила на актрису, которая только-только зашла за кулисы, избавившись от необходимости представлять на сцене и вернувшись к собственной натуре, более искренней. Поэтому и походка ее казалась чуть более усталой, и крошечная сумочка едва не падала из рук. Дама была уже не первой молодости, но это ей шло, как часто бывает с женщинами, которые никогда не сомневались в своей красоте.

Снаружи сгущалась предрассветная мгла – ни ночь, ни утро. Холл гостиницы пребывал неподвижным, во всем изяществе деталей, чистоте и мягкости: теплые тона, тишина, простор, отраженный свет, высокий белый потолок, книги на столиках, пухлые подушки на диванах, любовно обрамленные картины, фортепиано в углу; немногие, самые необходимые надписи; фонтан, за которым неизменно следили; часы с маятником, барометр, мраморный бюст, на окнах портьеры, на полу ковер – и еле заметная тень аромата духов.

Поскольку ночной портье, повесив пиджак на спинку убогого стула, в соседней комнатенке впал в легчайшую дрему, которую освоил до тонкостей, никто бы и не увидел, как эта дама входит в гостиницу, но мужчина, сидевший в кресле в самом углу, – непостижимо, в такой-то час! – заметил ее, после чего положил левую ногу на правую, тогда как до этого правая лежала на левой, безо всякой на то причины. Их взгляды встретились.

Дождь собирался, но так и не пошел, сказала дама.

Да, так и не было дождя, сказал мужчина.

Вы кого-то ждете?

Я? Нет.

Как я устала. Ничего, если я присяду на минутку?

Пожалуйста.

Пить нечего, как я погляжу.

Не думаю, чтобы завтрак подали раньше семи.

Я в смысле выпить.

Ах это. Не знаю. Не думаю, в такой-то час.

А который час?

Двенадцать минут пятого.

Серьезно?

Да.

Эта ночь никак не кончается. Будто началась три года назад. А вы что здесь делаете?

Как раз собирался уходить. Пора на работу.

В такой час?

Именно.

Как вы это терпите?

Ничего, мне нравится.

Вам нравится.

Да.

Невероятно.

Вы находите?

Похоже, вы первый интересный человек, которого я встречаю нынче вечером. Ночью. В конце концов, чем бы оно там ни было.

Не дерзну и подумать об остальных.

Они ужасны.

Вы были на каком-то торжестве?

Мне, кажется, нехорошо.

Пойду позову портье.

Нет, ради всего святого.

Вам, наверное, лучше прилечь.

Ничего, если я сниму туфли?

Разумеется...

Говорите что-нибудь, безразлично что. Мне нужно отвлечься, тогда все пройдет.

Не знаю о чем...

Говорите о своей работе.

Не слишком-то увлекательная тема...

Попытайтесь.

Я продаю весы.

Дальше.

Люди взвешивают уйму всяких вещей, и важно их взвешивать точно, поэтому я и держу фабрику, где производят весы всякого рода. У меня одиннадцать патентов, и... Пойду позову портье.

Нет, пожалуйста, он меня терпеть не может.

Лежите, не вставайте.

Если я не встану, меня стошнит.

Тогда приподнимитесь. То есть я хочу сказать...

Выгодное дело – продавать весы? По-моему, вы должны...

Выгодное дело – продавать весы? Не очень.

Валяйте дальше, не берите в голову.

Мне правда пора идти.

Окажите любезность, поговорите немного со мной. Потом пойдете.

Дело было довольно прибыльное, вплоть до последнего времени. Теперь – не знаю, может, я в чем-то допустил ошибку, но мне не удастся больше ничего продать. Я было подумал, что дело в моих торговых агентах, тогда стал сам разъезжать с образцами, но и в самом деле моя продукция больше не пользуется спросом: может, устарела; может, стоит слишком дорого – она и в самом деле дорогая, все весы ручной работы, вы и понятия не имеете, каково это добиться абсолютной точности, когда что-то взвешиваешь.

Что взвешиваешь? Яблоки, людей – что именно?

Что угодно. Мы делаем любые весы – от ювелирных до заводских.

Серьезно?

Поэтому мне и нужно ехать, сегодня я должен подписать важный контракт, мне правда нельзя опоздать, речь идет о моем предприятии, я могу лишиться его... Черт, ну вы и насвинячили!

Вот дерьмо.

Я вас провожу в туалет.

Погодите, погодите.

Вот уж нет!

Простите, мне правда жаль.

Пойду принесу воды.

Нет, не уходите, пожалуйста.

Вот, держите, вытрите этим.

Какой стыд.

Не переживайте, у меня есть дети. При чем тут дети?

Детей часто тошнит. Моих по крайней мере.

О, извините.

Поэтому мне такое не в диковинку. Но сейчас вам лучше бы подняться к себе в номер.

Не могу же я оставить здесь весь этот бардак...

Я потом позову портье, а вы пока поднимайтесь в номер. Ведь у вас есть номер, не так ли?

Да.

Так ступайте. Я обо всем позабочусь.

Не уверена, что я помню который.

Портье вам подскажет.

Я НЕ ХОЧУ ВИДЕТЬ ЭТОГО ПОРТЬЕ, он меня терпеть не может, сказано вам. У вас-то ведь номер есть?

У меня?

Да.

Я только что оттуда съехал.

Отведите меня туда, прошу вас.

Говорю вам: я только что съехал оттуда.

Ну и что, разве он сгорел? Ведь та комната на месте, разве нет?

Да, но...

Окажите любезность, проводите меня наверх, и я от вас отстану.

Я должен снова попросить ключ.

Разве это запрещено?

Конечно нет.

Так попросите же, пожалуйста.

Ну, разве если... Я хочу сказать...

Вы в самом деле очень любезны.

Ну хорошо, ладно, пойдёмте.

Мои туфли.

Да, ваши туфли.

На каком это этаже?

На третьем. Вон лифт.

Как скверно, что я оставила здесь этот бардак...

Ничего страшного.

А знаете, мне уже немного лучше.

Прекрасно. Вам нужно отдохнуть.

Пойдемте...

Я ничего не забыла?

Пойдемте.

Что за дрянными духами разит в этом лифте?

Ландыш и сандал.

А вы откуда знаете?

Это мое хобби. Духи.

В самом деле?

Да.

Вы продаете весы, а после ужина развлекаетесь, нюхая духи?

Примерно так.

Вы их делаете?

Пытался. Это нелегко. Изучаю составленные другими.

Лучше бы вы их делали сами.

Вот мы и пришли.

Станный вы человек.

Может быть. Сюда.

Вы ведь взяли ключ, правда?

Разумеется.

Простите. Вечно мне кажется, что все вокруг такие же разгильдяи, как я.

Не беспокойтесь ни о чем.

Но тот, кто делает весы, вряд ли является разгильдяем, правда?

Это, скажем так, маловероятно.

Вот именно.

Пожалуйста, входите.

О, какая чудесная комната!

Они все одинаковые, по правде говоря.

Почему вы так уверены?

Я останавливаюсь в этой гостинице уже шестнадцать лет. Ванная там. Я оставляю вам ключ. Портье объясню все сам. А теперь мне действительно пора.

Уходите?

Да, ухожу. У вас здесь нет номера, так ведь?

Что, простите?

Вы вошли и сказали: «Чудесная комната», но если бы у вас на самом деле был здесь номер, вы бы сразу увидели, что комната точно такая же, как ваша. Они все одинаковые.

Детективы – тоже ваше хобби?

Нет. Я подмечаю детали. Я делаю весы. Вы вошли в гостиницу, но на самом деле номера у вас нет.

Вы ведь собирались уходить?

Да, конечно. Я только хотел бы удостовериться, что...

Я вошла потому, что мне нравится, как выглядят по ночам холлы гостиниц. В этой гостинице очень красивый холл, вы заметили? Не слишком большой, не слишком маленький.

Я сюда уже приходила, вот почему портье меня терпеть не может.

А что, если бы меня там не оказалось?

Мне правда нужно в ванную. У вас есть зубная щетка и паста?

Все, я уже опоздал...

Знаю. Только одолжите мне зубную щетку, что вам стоит?

ЗУБНУЮ ЩЕТКУ?

Успокойтесь: неужели ни один человек никогда не просил у вас взаймы зубную щетку?

Ни один человек, которого только что стошнило!

Ах это.

Да, это.

Так дадите вы мне щетку или нет?

Ладно, держите, и пасту заодно. Вот. И пожалуйста, не устраивайте здесь беспорядка: можете вздремнуть немного, если будет желание, после приберите за собой. Мне ведь потом возвращаться в эту гостиницу. Прощайте.

Как мило, ореховая зубная паста.

Она не ореховая.

На ней написано: «Орешек».

Это название. Вкус – ниже, мелким шрифтом.

Гляди-ка. А вы-то что делали там, внизу?

Что, простите?

Что вы делали там, внизу; почему сидели в кресле совсем один в четыре утра? Если вы так спешите, то почему рассаживались там?

Тогда я не так спешил, я теперь спешу.

Ладно, все равно вы там сидели – и о чем думали? Ничего, если я почищу зубы, пока вы мне будете рассказывать?

Не думаю, что стану вам что-то рассказывать.

Почему?

Я даже не знаком с вами.

Ах в этом дело?

Да, в этом.

Такое впечатление, будто в эту ванную никто не заходил. Вы что, вытираетесь полотенцем, а потом его складываете ровно-ровно? В гостинице? Послушайте, здесь есть люди, которым за это платят.

Я не...

Вы и постель убираете за собой?

Это мое дело, как мне кажется.

Конечно-конечно. Хорошая паста. Какой у нее вкус – малина?

Смородина, с анисовой отдушкой.

Мм... Вкусно.

Иногда ее делают без аниса, но это гораздо хуже.

Невыносимо.

Я не складывал полотенца. Я ими не пользовался. Я ни до чего не дотрагивался. Мне было никак не уснуть. Я всю ночь просидел вот на этом стуле, оставив гореть ночник. В четыре спустился в холл. Теперь мне в самом деле пора. Было приятно с вами познакомиться. Освободите номер до десяти, пожалуйста. Прощайте.

Это что еще за чертовщина? Эй! Вернитесь! Я вам говорю: так ли следует себя вести с...

Не кричите, людей перебудите.

Так вернитесь же!

Не надо устраивать сцен в коридоре, прошу вас.

Хорошо, давайте устроим сцену в лифте.

Вы босиком, у вас зубная паста течет изо рта, а там, внизу, портье, которому вряд ли будет приятно лицезреть вас в таком состоянии.

Кстати сказать, ваши ботинки все облеваны.

Нет!

Идите сюда, я их вам почищу.

О нет, нет!

Перестаньте орать, людей разбудите.

Нет, ты погляди...

Ну вот, молодец, дверь я сама закрою. Снимайте ботинки. Да не так, не так!

Дайте хоть шнурки развязать!

Я развяжу, а вы присядьте. Вы ведь просидели на этом стуле всю ночь, так что минутой больше, минутой меньше...

Очень остроумно.

Мама родная, какая мерзость...

Оставьте, прошу вас.

Даже и не мечтайте: сама наблевала, сама почищу. Вот и все.

Куда вы их уносите?

Хорошенько помыть...

НЕТ, ТОЛЬКО НЕ ПОД КРАН!

Почему нет? Увидите, так будет лучше.

Я ДОЛЖЕН ОБУТЬ ЭТИ БОТИНКИ, скажите же наконец, какого черта...

Вы подойдете?

Что?

К телефону, звонит телефон.

Кой черт...

Подойдите.

Но меня нет в этой комнате, значит...

Или мне подойти?

Нет!

Глядите, как все отчистилось. Теперь высушим феном...

Алло?.. Да, это я... Нет, случилось кое-что неожиданное, я на минутку поднялся в номер... Ах это, да... Мне стало нехорошо... Нет, сейчас гораздо лучше, простите, что так вышло с ковром... Если нужно заплатить...

Нет, я настаиваю... Сейчас спущусь... Нет, в самом деле, мне ничего не нужно... Уже спускаюсь... Да, спасибо, вы очень любезны... Спасибо.

Кто это был?

Я должен уйти, срочно.

Кто это был?

Ночной портье. Где мои ботинки?

Терпеть его не могу.

Отдайте мне ботинки.

Даже не мечтайте. Присядьте на минутку, я их высушу.

Я ДОЛЖЕН ИДТИ, ПРЯМО СЕЙЧАС!

Ну и манеры! Натя, получайте, если вам так угодно.

Я сказал портье, что это там, внизу... что это я натворил. Окажите мне лишь одну любезность: уйдите отсюда так, чтобы вас никто не видел. Вот дрянь, они сморщились...

Не берите в голову.

Ничего себе! Пойти босиком, прекрасная мысль.

Я имею в виду – не берите в голову все это: контракт, весы, все-все-все...

Что, черт побери, вы несете?

Сколько вам лет?

Мне?

Да, вам.

Сорок два.

Вот видите: вы достаточно молоды, чтобы выкинуть все из головы.

Да что вы несете?

Только не говорите, будто никогда об этом не думали. Послать все подальше и начать с начала. Было бы неплохо, а?

Вы с ума сошли.

Но дама сказала, что люди в большинстве своем мечтают начать все с начала и они не сходят с ума, а есть в этом что-то трогательное. Сказала, что в действительности почти никто так по-настоящему и не начинает с начала, но и представить себе невозможно, как долго люди предаются фантазиям по этому поводу, и чаще всего именно посреди передрыг, посреди той жизни, которую хочется выкинуть из головы. У нее когда-то был ребенок, и она отчетливо помнила, какая тоска накатывала на нее порой, когда она оставалась наедине с малышом, и единственное, что срабатывало, – серьезно задуматься о том, чтобы выкинуть все из головы и начать с начала. Она прикидывала, где, в какой дали оставить этого ребенка, и знала наперед, как причешется и куда пойдет искать работу, чтобы начать все с начала. Ей незамедлительно становилось лучше при одной мысли о том, как она станет тогда проводить вечера, да и ночи.

Вечера напролет валялась бы на диване и ела или же шла бы развлекаться, спала с мужчинами, полностью владея собой, потом поднималась бы с постели и собирала свои вещи, не испытывая ни малейших угрызений. Сказала, что стоило ей подумать об этом, как вся она будто оттаивала изнутри, погружалась в безмятежность, словно и в самом деле что-то решалось. Начинала тогда ласкать малыша, излучала свет, становилась матерью. Малыш это замечал, чуял, как звереныш, и, когда она брала его на руки, меньше брыкался и тарасил

любопытные глазенки. Все налаживалось как по волшебству. Добавила, что в то время ей было семнадцать лет. Рассказывая все это, дама скинула вечернее платье, расстегнув молнию на спине и сдвинув с плеч еле заметные бретельки.

Платье, шелковое, опустилось на пол блистающим, легким кольцом, из которого она выступила, сделав крохотный шажок сначала одной ногой, потом другой. Она осталась в трусиках и лифчике, но продолжала рассказывать, не придавая значения своей наготе, не обнаруживая никакого намерения – всего лишь завершая заранее намеченный жест. Подобрала сверток с пола и, рассказывая, как через несколько лет и в самом деле рассталась с этим ребенком, развесила платье на стуле и подошла к кровати. Не переставая говорить, откинула красное покрывало, и мужчина поморщился, будто что-то его кольнуло. Но дама этому не придавала значения, вытащила из волос заколку и скользнула под простыню, чего, судя по всему, она больше всего желала с того самого момента, как вошла в номер, возможно чисто по-детски ища укрытия или ласки. Расстегнула лифчик, бросила в угол, взбила подушку и натянула простыню до подбородка. И все рассказывала о том, что приключилось с ней однажды в каком-то бюро по трудоустройству, рассказывала, так до конца и не веря в случившееся. Речь по-прежнему шла о том, чтобы начать все с начала. Она надеялась, что мужчина ее понимает, но нелегко было об этом судить, поскольку он слушал стоя, безо всякого выражения на лице, сжимая в руке чемоданчик. Ноги обуты в мокрые ботинки. Время от времени вздрагивал от нетерпения. Только однажды спросил, как ее угораздило завести ребенка в семнадцать лет. Имелось в виду, хотела ли она родить ребенка, или попросту так уж вышло. Дама пожала плечами. Довольно неприглядная история, сказала, и я давно решила больше о ней не вспоминать. Не так-то легко забыть, отметил мужчина. Дама опять пожала плечами. Я перевернула страницу, сказала. Мужчина пристально на нее посмотрел и спросил, начала ли она с начала, так, как ей представлялось в мечтах, когда она держала на руках ребенка. Да, ответила дама, и знаете, что я поняла? Мужчина не ответил. Я поняла, что никто никогда не меняется по-настоящему, измениться нельзя; каким ты был в детстве, таким и будешь всю жизнь, и не для того, чтобы перемениться, начинают все с начала. А для чего же тогда? – спросил мужчина. Дама помолчала немного. Она не заметила, что простыня соскользнула, обнажив грудь, или ей было все равно. А может, ей этого и хотелось. Начинают с начала, чтобы поменять стол, сказала она. Мы всегда думаем, будто ошиблись игрой: чего только не добились бы мы, с нашими-то картами, если бы только сели за другой игорный стол. Она оставила ребенка у своей матери и начала все с начала в другом городе, в другой профессии, в другой одежде. Может быть, хотела отделаться от того, что нельзя поправить. Теперь уж и не припомнить как следует. Но уж точно ей надоело

проигрывать. Как я и сказала вам, добавила, поменять карты невозможно, остается одно – поменять игорный стол.

И вы свой стол нашли? – спросил мужчина.

Да, ответила дама не раздумывая, стол отвратительный, все жульничают, деньги грязные, люди никчемные.

Ну и чудеса...

Не пристало мне особенно ломаться, с моими-то картами.

Какими?

Я расхлябанная, не слишком умная и чересчур злая. И я в жизни ничего не доводила до конца. Довольно вам?

Что значит – злая?

Я равнодушно смотрю на то, как люди страдают. Иногда мне это даже нравится. Да сядьте же вы, мне на нервы действует, когда вы стоите столбом; сядьте, пожалуйста.

Теперь я и в самом деле должен идти.

На кровать. Присядьте на кровать. Хотя бы в ногах, подальше, если вам противно приближаться ко мне.

Мне не противно, я просто должен идти.

Вот так, молодец.

На минутку, потом мне правда нужно уходить. Только скажите мне, как вы утром отсюда выберетесь?

Что, простите?

Утром, если вас увидят.

Откуда мне знать. Что-нибудь придумаю. Будто вы затащили меня в постель, а утром испарились без следа, прихватив мой кошелек. Что-нибудь в этом духе.

Вы очень любезны.

Еще бы.

На самом деле вы и представить себе не можете, насколько мне это безразлично.

Правда?

Правда.

Значит, вы притворялись?

Притворялся?

Будто вы из тех, кого колышет, что о них подумают в гостинице. Из таких придурков.

Нет, я в самом деле такой. Уже слишком поздно.

Не надо, я пошутила, у вас не будет из-за меня неприятностей, никто не увидит, как я ухожу; если я что-то и умею делать, так это уходить из гостиницы так, чтобы никто не заметил. Я пошутила.

Дело не в этом.

А в чем тогда?

Ни в чем. Уже слишком поздно.

Поздно для чего?

Не берите в голову.

Эта ваша встреча по работе – такая важная?

Я должен был поехать туда раньше. Просто мне никак было не встать с того кресла.

Может быть, вам не хотелось.

Весьма вероятно. Но это было бы до чрезвычайности нелогично для такого человека, как я.

Вы никогда не совершаете нелогичных поступков?

Никогда.

Не делаете ошибок?

Нелогичных не делаю, хотя ошибаюсь часто.

А есть разница?

Очевидная.

Приведите пример.

Мог бы, даже великолепный, совсем недавний, но, поверьте, сейчас не время об этом говорить.

Вы улыбнулись.

Что, простите?

Вы улыбнулись впервые с тех пор, как мы с вами встретились. А знаете, у вас красивая улыбка.

Спасибо.

Вам следовало бы делать это чаще – улыбаться, я имею в виду. Это вам придает некий оттенок меланхолии, который нравится женщинам.

И что, вы подпали под очарование?

Эй, эй!

Извините, я пошутил.

Пошутил. Надеюсь, вы способны на большее.

Да, я способен на большее, но не сегодня, как ни жаль.

Что же сегодня не так?

Все неправильно.

Вы в номере, в кровати голая женщина, вы с ней болтаете. Что не так? Если не считать удручающего отсутствия спиртного, должна заметить.

Где-то здесь должен быть минибар, если хотите выпить.

То есть как это – где-то здесь? Вы шестнадцать лет останавливаетесь в этой гостинице и ни разу не поинтересовались, где мини-бар?

Ни разу.

Вы ненормальный.

Я мало пью.

А вода. Вам никогда не хотелось просто выпить воды?

Обычно я приношу воду с собой.

Господи, он ненормальный. Будьте так любезны, пойдите и поищите этот проклятый мини-бар. Он обычно под телевизором.

В самом деле: весьма логично.

Более логично было бы поставить его рядом с кроватью.

Неверно. Шум вам мешает уснуть.

Зато алкоголь поможет.

Пива?

Пива? Больше ничего нет?

Спиртного – ничего.

Гнусная гостиница. Может, хотя бы попкорн, я обожаю попкорн...

Нет ничего съестного.

Гнусность. Ладно, удовлетворимся пивом. Выпейте и вы тоже.

Но мужчина сказал, что предпочел бы не пить, целую ночь ему удалось продержаться, и не подобало уступать именно сейчас. Сказал, что ему нужна ясная голова. Потом направился к кровати и, пересекая комнату, заметил, как сквозь портьеры просачивается свет. Вернулся, стал нашаривать одной рукой шнуры, чтобы раздернуть шторы, припоминая, что с математической точностью, хотя и по непостижимым причинам, всегда дергаешь не за тот шнур: хочешь закрыть – открываешь, и наоборот. Сказал об этом даме самым шутливым тоном, на какой только был способен, а тем временем ему удалось чуть-чуть раздвинуть портьеры. Вставала заря. Глядя на далекое небо, залитое

неопределенным светом, он ни в чем уже не был уверен. Дама спросила: он что, высиживает это пиво, и тогда он сдвинулся с места и протянул ей банку. Присядьте, сказала дама куда более нежно. Минутку, сказал мужчина и вернулся к окну. Оттуда лился свет. Он подумал, что это приглашение, но теперь было сложно понять, ждут ли там и его тоже. Посмотрел на часы, словно существовала некая возможность обнаружить на циферблате хоть какой-то ответ, но не извлек ничего полезного, кроме смутного впечатления, что час – неправильный, по множеству причин. Может, все еще стоило довериться себе, выйти из этой комнаты, сесть в машину, выехать на шоссе и нажать на акселератор. А может, уместнее забраться в эту постель и проверить, будет ли женское тело таким желанным, каким кажется. Но об этом он подумал так, будто подобная мысль пришла в голову кому-то другому, не ему. Он услышал щелчок, банка открылась, и женский голос спросил, всегда ли он был таким. Каким – таким? Таким правильным, сказала дама. Мужчина улыбнулся. Потом сказал: нет. Тогда дама пожелала узнать, когда это с ним началось, если только он может вспомнить; и вот по этой-то причине он, не отходя от окна, сказал, что прекрасно помнит, ему было тогда тринадцать лет, и все случилось за одну ночь. Сказал, что все там разбилось вдребезги. Перед его домом, который горел той ночью, все разбилось вдребезги, перед тем бессмысленным о гнем. Мне было тринадцать лет, повторил. Потом я встретил человека, который меня научил быть правильным и ставить вещи на свое место, и с тех пор я не переставал думать, что у нас нет иной цели, кроме этой. Всегда есть дом, который нужно возводить заново, добавил, и это долгий труд, требующий много терпения. Дама снова его попросила присесть на кровать, но он не ответил, зато, следуя за своими мыслями, рассказал, что его отец каждый вечер слушал радио и выпивал целую бутылку вина, до капли. Садился за стол, клал перед собой пистолет, сбоку ставил бутылку. Пил через соломинку, не спеша, и его нельзя было беспокоить, пока он это делал, что бы ни случилось. К пистолету он никогда не прикасался. Ему нравилось, что он лежит под рукой, только и всего. Сказал, что и той ночью все происходило точно так же; ночью, когда огонь поглотил все. Потом спросил у дамы, есть ли у нее дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/alessandro-barikko/trizhdy-na-zare-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)